

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ОБРАЗЦЫ ПРОЗЫ

Учение Конфуция в высокой степени удовлетворяло миропониманию китайской интеллигенции, и не только рядовой, но и выдающейся. Однако, вечный оппонент конфуцианства — даосский нигилизм и позднейший буддийский нирванизм, как истинные разрушители, — действовали сильно и уверенно, особенно в годы конфуцианского и, вместе с ним, государственного затишья. Тогда неизменно появлялись новые горячие проповедники конфуцианского «пути» (Дао), пути совершенства в человеке, — а не в астральных отвлечениях, — и «выпрямляли путь» точно так же, как это делал великий их родоначальник Кун Цю (Конфуций).

К числу таких реноваторов относится и О у я н С ю (1007—1072), действовавший в пору ослабления конфуцианских принципов, которые были в последний раз поддержаны великим реформатором Хань Юем (768—824). «Его слово было кратко, но ясно, искренне и исчерпывающе», — говорит в своем предисловии к его сочинениям поклонник его и преемник Су Ши (1036—1101). «Он судил о вещах с величайшей справедливостью, и этим покорял все сердца, которые признавали в нем второго Хань Юя»...

Но и после его смерти, когда даосы и буддисты опять начали подрывать священную туземную традицию Конфуция, учение Оуяна, в руках его последователей, быстро с ними справилось, и на этот раз надолго.

После своей смерти Оуян оставил до 800 произведений в прозе и стихах, не считая капитальных трудов по истории, в которых он, по справедливости, приравнивается к основателю историографии Сыма Цяню, а это имя для китайца священно. Как поэта, Су Ши чтит его вместе с величайшим из поэтов, Ли Бо, а как прозаик, он входит в группу «восьми великих мастеров династий Тан и Сун» и, вообще, в небольшую группу больших стилистов.

Выбранные для перевода в нашем журнале его произведения дают приблизительное о нем представление, как о конфуцианском проповеднике, писателе и поэте. Для всех трех из них характерен скрытый пессимизм автора, жалующегося на свою старость в строках, написанных 36, 40 и 53 лет от роду.

Перевод этих произведений, написанных ритмически, дан обоими переводчиками в ритмическом же виде и на русском языке. Но принципы у переводчиков разные. Один из них (Б. В.) придерживается переложения китайских слогов-слов на русские стопы, удваивая слоги или утраивая ¹⁾, — и, в таком случае, русская фраза как бы автоматически указывает на краткость или длину китайской, при чем

¹⁾ Но русский однослог очень редко передает однослог китайский.

передает ударное или неударное окончание фразы. Другой же (В. А.) не придерживается этого принципа, и сохраняет за собой свободу ритма, оставляя для себя обязательными лишь пропорции фраз и чередования ритмических единиц и ударений.

Переводчики надеются, что опыт подобных переводов с китайского будет способствовать установлению более правильных взглядов на китайскую литературу, дословные переводы которой, не давая смысла текста (ибо нужно постоянно прибегать к примечаниям), в корне разрушают основу его существования: форму, которая из ритмической превращается в еле читаемую. Речь идет, конечно, лишь о литературном переводе. Научный, филологический имеет всегда одни и те же принципы.

В. Алексеев

I

БЕСЕДКА СТАРЦА ВО ХМЕЛЮ.

Слова: пьяный, пьяница, пьянство вряд ли передают поэтическое опьянение на лоне природы культурных, образованных китайских людей, которые используют его для поэтических бесед и стихов, стихов без конца.

Китайское горячее вино из риса не производит тяжелых форм опьянения и как нельзя больше подходит к своему назначению лишь оживлять обед. Отсюда культ вина в китайской поэзии, имеющий своими представителями таких больших поэтов, как Ли Бо и Ду Фу (у первого, правда, в слишком сильной мере).

«Читая эту красочную вещь, — говорит один критик, — словно идешь, гуляючи, среди скрытых в чащах родников, среди замаскированных камней и скал: пришел к одним — увидел другие; дороге нет конца — и вдохновенью тоже нет. Кончил читать, — а душа вспорхнула и куда то улетела...».

Конечно, эта оценка годится лишь для произведения в его оригинальной форме, являющейся альфой и омегой литературного бытия. Но и в русском ритмическом переводе, думается переводчику и редактору, можно дать нечто большее, чем простую фразу и необычные сравнения.

Слово «старец», между прочим, в этом эссе надо понимать не особенно буквально, ибо поэту было всего 40 лет, и следовательно, литературный образ надо здесь отделить от искреннего выражения непосредственности.

В. А.

Местность Чу окружена горами. С юго-запада за пиком пик: красивей нет лесов, долин. Но взгляни на те! Еще пышней их зелень, глубже красота...

— Утесы Лань-е это!

А пройдя горами шесть-семь «ли», услышишь понемногу, как вода журчит, струями выбиваясь из расселины двух скал: стекает вниз.

— «Источник Винный» это.

Гора кружит, и вьется путь: вон там — крылатый павильон, нависший над поверхностью ключа...

— То «Старца во хмелю» беседа.

Но кто построил здесь ее? — Монах из гор, по имени «Отшельник Мудрый». — А имя кто беседе дал? — Наместник: на себя он намекает.

Когда он в этот павильон с гостями ходит пить вино, пьет мало, но хмелеет в миг. Да и летами он весьма высок! Поэтому-то «Старцем во хмелю» себя зовет он.

Но смысл для «Старца во хмелю», конечно, не в вине сокрыт: средь гор, средь вод — лишь там его бывают мысли. Ведь, радость гор и рек душою восприял он, но поселил ее в вине на время.

Когда восходит солнце — раскрывается лесной туман; уйдут лишь облака — пещеры гор мрачны. Темно, светло попеременно здесь...

— Средь гор таким бывает утро или вечер.

Раскрывшись, тайно пахнут дикие цветы. Деревья стройные здесь смешивают тень. Под ветром ищей в высях чист, вода спадет, и выступают камни рек...

— Вот каковы в горах четыре смены года!

С зарею уходя, под вечер приходите... Неодинакова природа в сменах года, а, между тем, здесь радость не исчерпать.

Вот люди с грузом на плечах ноют среди пути, или отдыхают около дерев. Передние кричат, а сзади вторят им. Согнувшись, сгорбившись под тяжестью, они безостановочно несут...

— То Чу'секих жителей прогулки!

Спуститься вниз к ручью удить: ручей глубок, и рыба в нем жирна... Вино из «Вышнего ручья»! Ручей пахуч, и чисто в нем вино... Коренья, травы — яства гор; в разнообразии поставлены они...

— Вот как наместник пир справляет!

Но музыка на пиришестве не шелк струны, не флейт бамбук... Стреляя, в центр попасть; играя в шашки, бить; в игре на чарки спутать все; сидеть, вставать и без стеснения шуметь...

— Вот для гостей его забава!

Лицо серо, и волос бел... Лежит совсем без сил среди других...

— Наместник охьянешный это.

Но вот уже и вечер: солнце между гор, людских теней не различить... Наместник возвращается домой; идут и гости следом. В лесах и рощах тень легла, и пенье птиц вверху, внизу... С прогулки люди по домам идут, а птицы, звери рады...

Но птицы, звери понимают разве только радость гор, лесов, но не понять им удовольствия людей. А люди знают лишь одно: с наместником гулять и пить; но не понять им, что наместник веселится не своим, а их весельем...

Под хмелем рад был с ними заодно, а протрезвившись, взял и стилично описал...

— То сам наместник старший.

Наместником кого зову?

— Так называю Оуян'а из Лу-лиш'а.

Перевел с китайского

Б. Васильев

II

ГОЛОС ОСЕНИ.

Четыре смены года имеют для жизни человека особое роковое значение, независимо от видимых явлений. Ведь, год можно понять как человеческую жизнь: тогда весна и осень нас особенно волнуют. И в частности, осень, чистая и прозрачная после томительного, жарного, душного лета, напоминает, однако, о том, что надо готовиться к смерти - зиме. Древние люди называли палача «осенним чиновником». Символ осени — запад, закат. Отсюда двойственность в поэзии всех времен: с одной стороны, поэт воспеваеt чистую осень, с другой—тоскуеt о приближении роковой зимы.

Поэма «Голос Осени» написана переменным ритмом, с одной общей рифмой в ударных частях и перемежающимися другими, размещенными между главных. Поэтому, в принципе перевода было положено соблюдение общей рифмы (*ym*), которая, являясь легкой и богатой, вполне соответствует по этим своим качествам китайской рифме (*ин*). Перемежающиеся рифмы соблюдены также, а к ритмам применено общее правило для переводов В. А.: они отражают китайские ритмы проекционно и пропорционно, без автоматических переложений. Отступления от дословности пришло допустить, хотя и редко.

Поэма «Голос Осени» известна всякому образованному китайцу, вызывает всеобщее восхищение и находится во всех хрестоматиях и учебниках литературы.

«В поэме этой, — говорит критик, — превосходное описание природы соединено с глубиной подлинного чувства. Ее строфы, полные тайных заповедей человеку, могут заставить его, при чтении, разом проснуться и уразуметь». И действительно, осень в человеческой душе передана всеми частями этой небольшой поэмы, имеющей, в силу этого, двойный смысл.

Поэма написана в 1059 году, когда поэту было 33 года, и в его искренности на сей раз можно и не сомневаться.

В. А.

Оуян ученый ночью занимался чтением книги. Вдруг он слышит: появился звук какой-то и донесся с юго-западной страны.

Слушал звук и трепетал он; прошептал: «как это страшно!» То сначала брызги капель в бурно-диком ветровисте, то внезапно бег-вздыманье моря, хлещущего в скалы...

Так горные волны потока ночью страх наведут; ветер и ливень примчатся быстро и резко до нас.

Но когда тот страшный вихрь задевает о природу, цзун-цзун..., чхэн-чхэн... разом так рванут; медь-железо вскрикнут, запоют.

Иль еще: вот так войска на вражий стан идут: ход их быстр, их рот заткнут; крики ротных пронадут. Лишь коней с людьми бегущих звуки почти донесут.

Я сказал тогда здесь бывшему слуге:

— «Это что ж за звук такой? Ты пойдй на двор и там взгляни!»

Молвил отрок:

— «Звезды-месяц ярко белы и чисты, и светла на небесах Реки ¹⁾

¹⁾ Млечный Путь.

струя. Всюду тишь: людских нет голосов... Этот звук среди деревьев слышу я».

И сказал я: «О печаль моя, о горе! Это голос был осенний. Ах, зачем ко мне пришел он?»

Посмотри, каков красот осенних вид!

— Осень цветом бледно-блекла, не ярка; селась дымка, подобрались облака. Лики осени прозрачностью сверкнут; хрустали лучей глубоко в высь уйдут.

Воздух осени и резок, и жесток: колет кожу мне и кости холодок. Мысли осени и вялы и печальны: горы, реки — все в тиши бескрайне дальней...

И от этого осенний голос жутким-жуток, стужей стынет; стон и вой несутся в выси...

Травы пышные ковром луга одели: соревнуют красотой. Деревя густым-густы стоят повсюду: можно радоваться им! Но трава, лишь тронет осень, цвет меняет свой сейчас, и деревья, встретив осень, лист уронят наземь своей.

Чем же осень так ломает, сокрушает, обрывает, сыплет в прах, что так цвело? — То излишняя жестокость духом движет в ней одним!

Осень, — слушай, — то палач-чиновник. Это мрачное во всем году начало. И еще, то символ войск идущих: соответствует космически металлу. Осень — то, что духом долга для небес и для земли зовем мы; что всегда суровой казнью наши души заполняло.

Небо тварям всем природы по весне рождает жизнь, а по осени даст плод. Потому-то осень в музыке есть *шан*, или тон, для стран на западе верховное начало; есть *и* и *цзэ*, — седьмой луны тональное мерило.

А *шан* — то боль от ран¹⁾. Раз жизнь стареет, то скорбит от ран. *И* — это казнь... Раз жизнь чресчур полна, ее убей!..

Вздохну, увы, я! Что деревья, травы? — чувства не поймут: раз подходит срок им, в вихре опадут. Человек же вещь живая, но среди всех живых духовное лишь тут!

Сотней скорби мучат его душу. Дел миллионы тело угнетут. Зародятся лишь в душе его движенья, все ядро ему живое всколыхнут...

Да к тому же, эти думы о стремленьях, для которых силы нет; эти скорби о неумьи, что в душе его живут!

И понятно, что свежий пурпур щек превращается в сухую древесину; а в черным, как смоль черневшей голове зазвездившись, точки-искры промелькнут...

Ах, еще бы! Я не камень, не металл — и хочу вдруг жить пышней, чем травы дерева цветут!

¹⁾ Слова *шан* (один из пяти тонов китайской гаммы) и *шан* (рана) — омонимы, пероглифически пишущеся, однако, различно!

Ну, подумай сам, кто, значит, мой губитель и злодей? ¹⁾ И к чему мне в злой досаде звать осенний звук на суд?

— Мой отрок ничего не отвечал. Он, свесив голову, сидел и спал.

Лишь доносился звук сверчка в стенах кругом... Цззи-цззи... Моим вздыханиям он словно помогал вблизи.

III

ОТВЕТ КАНДИДАТУ У КЭ ²⁾.

Конфуций учил о Дао — пути вечной правды на земле, пути к совершенству и стезе самого совершенства: пути образцового человека с законченным мировоззрением, идеального джентльмена. Конфуций исходил из древнего литературного предания, как хранителя особой правды - Дао, — литературы по преимуществу, литературы - истины. Впоследствии, игра слов, освобожденных от идейной чистоты, увлекла проповедника в область изящной литературы, и *вэнь*, литература - истина, превратилась в *вэнь* — изящный стиль. Охотясь исключительно за последним, человек упускает из виду главное: служение Дао - правде. Не лучше ли начать с корня вещей, чем с их поверхностных блестящих?

Эпистолярный стиль сохраняет все особенности китайского литературного, художественного языка. Ритмика в нем самое существенное. Вот почему нижеследующее письмо Оуян Сю переведено не обычным русским эпистолярным стилем, а таким, который наиболее отражает китайскую ритмику и китайское построение периода.

Сю ³⁾ бьет челом и говорит:

Мой старший друг, почтенный У!

Вы, у которого в подножьи я ⁴⁾!

Не так давно Вы осчастливили меня, прислав письмо и с ним три вещи в прозе ⁵⁾. Я развернул и стал читать. Какая ширь! Казалось мне, что там у Вас — что тысячи? — десятки тысяч слов!.. А как волнение улеглось, я вновь взглянул — и вижу: слов всего лишь сотни! Не будь у Вас таких роскошных выражений, такой окрепшей, сильной мысли, и мощи

¹⁾ Это надо сопоставить со строкой: «то излишняя жестокость духом движет в ней одним».

²⁾ Кандидат первая ступень ученого литератора (сю цай).

³⁾ Оуян называет себя по имени из эпистолярной вежливости, позволенной лишь в отношении себя самого.

⁴⁾ Таким сложным словосочетанием величали ранее лишь царей и удельных князей, что сохранилось до последнего времени в величании: *бися*, которое точно так же означало: Вы, у чьего крыльца стою, — но прилагалось исключительно к самодержавному богдыхану.

⁵⁾ Три философско - литературных кратких эссея.

этого обильного потока, которому никак нельзя противостоять, — как Вы могли б достигчь, чего достигли?

А между тем, Вы жалуетесь мне, что ощущенью бредете сам и что никто, никто Вам не откроет глаз и не толкнет на путь вперед... Вот каково смиренье тех, кто любит у других учиться!

Сю свой талант считает непригодным в наши дни, и он, как деятель, не может быть прославлен в этом мире. Его хвала или брань не могут быть ни тяжки, ни легки. Его влияенье, дух не могут действовать нимадо на людей. И тот, кто б захотел использовать его хвалу, как нечто ценное весьма, или, под прикрытьем его сил, пытаться выскочить вперед, — что взять ему у Сю?

Мой старший друг! Ученость в Вас сильна, а стиль Ваш — мощь сама! И в жизни Вы, ведь, не из тех, что домогаются моей хвалы, как ценной, и помощи моей для продвиженья... А между тем, великодушно Вы снисходите ко мне; мне пишете, как будто даже требуя чего-то... Не оттого ль, что Вы, томясь желанием поговорить о правде - Дао, — и без особого разбора на людей, — меня о том порасспросить решились?

Так слушайте ж меня! — Ученый человек — он никогда не делает того, что *не есть* Дао ¹⁾. Однако, мало тех, что Дао достигают! Не то, чтоб Дао было так далеко от людей, — нет, — просто, сам ученый где-то тонет!

Сознаемся, что наш литературный стиль усвоить трудно так, чтоб радость он доставил и другим, но так легко, пленившись чем-нибудь, самодовольным стать! А рядовой ученый наших дней — он тонет в этом, тонет... И стоит лишь ему достигчь литературного искусства, как он себе уж говорит: «Моей науки хватит!» — А кто до крайности дошел, — возьмет, забросит все дела, и, ничего не принимая к сердцу, себе промовит так: «Я литератор стал; мой долг — литературный стиль, — и только!» — Вот почему так редки те, что достигают Дао.

Припомним, как наш древний Кун-мыслитель ²⁾, когда состарился, вернулся в Лу, за Шестикнижие ³⁾ засел, — по эти Шесть творил в течение многих лет! И он читал *Метаморфозы* ⁴⁾ так, как будто *Хрошика* ⁵⁾ совсем не появлялась; *Писаньем* же ⁶⁾ занимался так, как будто не было пред взором *Песен-Од*. — Как несложна была подобная работа, и как дошел он в ней до граней высоты!

¹⁾ Основное исповедание конфуцианца.

²⁾ Кун (Фу) цзы = Confucius = Конфуций.

³⁾ *Песни - Оды* (Ши), *Писания* (Шу), *Метаморфозы* (И), *Хроника* (Чуньцю), *Обряды* (Ли), *Музыка* (Ю).

⁴⁾ Гадательная книга *Перемен* (графических), к тексту которых приобщена теория *метаморфоз* дуады Иньян (Мужского-Женского начал).

⁵⁾ *Хроника князей удела Лу* (родины Конфуция), обработанная им на предмет суждения о фактах и людях.

⁶⁾ Книга древнего предания о началах китайской цивилизации, составленная в форме хвалы героям древности — царям.

Конечно, стиль Человека Совершенств ¹⁾ достичь нельзя, но, кажется, что к тем, кто побеждает все во имя Дао, и этот стиль легко приходит сам. Вот почему мыслитель Мын ²⁾ в отчаянии метался, и не мог сам написать свою большую книгу. Да и Сюнь Цин ³⁾ писал уже под старость. Другие же, — как, например, Цзыюнь ⁴⁾, Чжун'янь ⁵⁾, — весь век свой бились, подражая стилю тех знаменитых изречений Куна. — Все это лишь слова усилий: а Дао — правды, значит, не хватало!

Ну, а позднейшие заблудшие умы, смотря на текст былых времен, решали про себя, что надо изучить лишь слог — и это будет все! И выходило так: чем больше было силы и усердия, тем меньше было достижений...

А это, ведь, и есть, о чем Вы пишете в строке:

«Я целый день сижу, не выходя из стен резных и галерей; я не могу бросаться вверх или вниз, направо и налево, как хотел бы»...

— Все дело в том, что не хватает Дао!

Ведь, если бы оно наполнило Вам душу, то Вы могли бы идти хоть в небеса, хоть по лицу земли; войти и в бездны, и в истоки вод: везде себе нашли бы Вы путь!

А Ваш литературный стиль — свобода и насыщенная сочность! Сказать могу я: хорошо!

Однакож, сами Вы, стремясь к творенью Дао, считаете, что в Вас оно невелико; и если не застрянете на этом, то можете достичь хоть Мына-Сюня: вряд ли трудно будет!

Ваш Сю из тех, кто изучает Дао, но не достиг его — увы! Однако, к счастью для себя, он также не из тех, что упиваются своим же любованьем, и тонут там, где застревают.

А Вы, мой друг, не застревая сам, тем поощряете прогресс ничтожный Сю!

Я счастлив этим, счастлив очень!

¹⁾ Т. е. Конфуция, который именуется так уже после смерти своей, ибо при жизни он против этого величания протестовал. «Совершенством» (Шэн) для него были только герои «Писания» (Шу).

²⁾ Мын Кэ, или Мын-цзы (Mencius, Мэнцзи), живший веком позже Кунци (Конфуция) и произведший его в «Совершенство».

³⁾ Или Сюнь Куан, философ-пессимист III в. до Р. Хр., утверждавший, что природа человека не добра, а зла.

⁴⁾ Прозвание философа Ян Сюна (I в. до и по Р. Хр.), знаменитой своей теорией добра и зла, смешанно живущих в человеческой душе, а также — высеренным трактатом о «Высшем Извечном», — трактате, подражающем «Речам» Конфуция, — и многими поэтическими произведениями.

⁵⁾ Ван Тун, по прозванию Чжун Янь (583 — 616 по Р. Хр.), автор трактата, подражающего «Речам» Конфуция.

IV

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ МОНАХА САКЬЯ ¹⁾
БИ ЯН ²⁾.

Для конфуцианца, не имеющего религии откровения, буддийский монах интересен только, как личность сама в себе — и особенно, как поэт. Тогда есть о чем поговорить, на чем сойтись и быть дружными, независимо от всех прочих убеждений.

Когда я молод был, то, степень получив ученую в столице, я жил привольно в ней. И мог дружить со всеми лучшими, известными людьми, какие были в это время.

Однакож, — думал я, — прошло уж сорок лет с тех пор, как государство подчинило себе все то, что средь морей лежит, объединив, как подданных своих, всех жителей страны.

Оно упразднило оружие войн. Оно питает и растит всю поднебесную страну ³⁾, где нет теперь опасных дел...

А между тем, среди людей ученых найдутся мудрые, полезные на редкость; и личность сильная, огромная, — такая, что не всегда встречается средь нас, бывает часто между ними. И выдающиеся люди эти теперь, когда все мирно и спокойно, частенько, не найдя своим талантам применения, сидят в тени, не выходя из глубины своих домов, а средь торговцев-мясников, наверно, есть достойный люд, что просто так, состарившись, умрет, и мир их не увидит проявленья.

Так думал я, и все хотел искать таких людей, но их найти не мог.

Но вот, впоследствии нашел себе я друга, покойного теперь уж Ши Маньдина. Маньдин был человек открытости отменной, больших духовных сил... Жизнь не умела дать простор его талантам, Маньдин же не хотел сгибаться и искать прилаживания к ней; и коль душе его не размахнуться было во всю ширь, он постоянно уходил к простым людям, одетым в холст, и к деревенским мужикам... Он с ними пил, буянил, размокал, валялся пьяный — все без отвращения.

А я, решив, что он и есть такой, который скрыт в тени, не видя света, подумал: уж нельзя ль с ним сблизиться, хоть грубо, и друга в нем приобрести?

И вот я полюбил с Маньдином быть, дружить, — чтоб в этом тайно оправдать мой поиск замечательных людей в стране под небом нашим.

¹⁾ Буддийский монах, уйдя из семьи, прекращает всякую с нею связь. Он утрачивает фамилию, приобретает фамилию праотца по учению (Будды, Сакья) и собственное имя, заменяя последнее духовным именем, которое дает ему учитель, как отец.

²⁾ Буддийские имена в совершенстве переводимы, но для этого надо знать скрытый в них при даче их намек и, затем, имена других духовных чад данного монаха-учителя. Би Янь, приблизительно, значит: Тайная (сокровенная) Проповедь.

³⁾ Страну под *нашим* (астрологически понятным) небом, т. е. наш Китай.

Буддист Би Янь давно уже дружил с Маньцином. Он тоже мог прозреть, отбросить жизнь и величаво чтить душевный свой уклад. Друг друга полюбив, они не знали никаких размолвок. Маньцин таил себя в вине, Би Янь скрывал себя в буддизме, — а люди замечательные оба!

Но что они любили — это песни и стихи. Слагали их они — так, для своей забавы. Бывало, как напьются исступленно, то давай читать и петь, смеяться и орать, идя навстречу радостям земли. Вот какова была у них широкая натура!

И самые достойные из нас охотно шли дружить с ними... Я тоже иногда в их домик заходил.

Лет через десять наш Би Янь ушел в Цзюнь на север, — там, в Хэдуэ. Устроиться никак не удалось, он обнищал и вновь домой пришел... А друг Маньцин уже был мертв... Би Янь состарился и стал хворать.

Вздохнув, скажу: Я видел этих двух людей и в цвете сил, и в разрушении... Старую, значит, сам я тоже ¹⁾!

В стихах Маньцина все слова чисты отменно. Сам же он особенно ценил стихи Би Яня. Он видел в них и утонченность форм и мощь; — совсем, как в Одах и Стихах преданья! ²⁾

Би Янь по внешности внушительен весьма. В душе ж его живет сама безбрежность. Его служенье Будде — ни к чему: одни стихи проникнуть могут в свет.

Но он ленив, себя ему не жалко... Состарившись, открыл он свой мешок, и там нашел своих стихотворений, так сотни с три, не то — четыре. Их можно полюбить!

Итак, погиб Маньцин... Замолк Би Янь: куда ему деваться? — А я слышал, что на восток от нас природа хороша: картин в ней множество и горных, и речных. — Нависшие горные края, обрывы, утесы и пики. Катящиеся волны течения, фонтаны, стремнины, ручьи. — Там есть где развернуться во всю ширь!

И вот, он захотел туда идти, бродить среди природы беззаботно. И этого достаточно, чтоб знать, что в старом теле все стремленья живы!

Сейчас он отправляется в дорогу, а я пишу к его стихам вот это предисловье.

В нем я скажу ему о днях его расцвета и пожалую, что он дряхл.

Перевел с китайского

В. Алексеев

¹⁾ Писано, между прочим, в 1042 году, когда автору было всего 36 лет.

²⁾ Классический канон Шидзин.

ПРОВОЖАЮ СЮЮ УДАНА, ОТЪЕЗЖАЮЩЕГО К ЮГУ...

В Китае, стране ученых литераторов, никого не удивит новым литературным произведением. Весь вопрос в том, чтобы оно сохранило славу автора навеки. Для этого нужно, чтобы «пустое слово» было словом Конфуция или ему подобных, если таковые, вообще, имелись.

Для аспирантов же существует поощрительная, и в то же время пессимистическая сентенция: лишь ничтожная часть написанных книг выживает! Так что, если вас забракуют, не печальтесь. Но и не бросайте всех надежд: авось выживете и вы. А главное, заботьтесь о своем содержимом!.. Что значат слова? Стоит ли на них рассчитывать?

«Среди подъемов и спусков этой удивительной речи, — говорит один критик, — не увидишь, за что ухватиться, как за исходный пункт. В этом подлинное мастерство!»

Перевод Б. В., как указано в общем предисловии, сделан по системе слоговых переложений (русская стопа на один китайский слог-слово).

В. А.

Деревья, травы, птицы, звери — существа природы, и каждый из толпы есть человек. Хоть в жизни друг от друга различаются они, но в смерти все равны. Все, как один, уходят в прах и гиль, уничтоженьем полное и смерть... и только.

Но среди толпы людской бывают часто столь высоких качеств люди, что, даже умирая и рождаясь между всех других, одни лишь отличаются от трав, деревьев, птиц, зверей и рядовых людей. Хотя и умирают, но нетленны; чем далее уходят, тем полнее живы.

А то, что делает их высшими людьми, есть воспитание в себе добра; или выявление в делах, или выражение в словах. Вот три пути, которыми возможно быть нетленными, возможно сохранить себя.

Коль воспитать в себе, — не будет непостижимым ничто. Коль выявлять в делах своих, — то, ведь, одни способны, а другие — нет. Коль проявлять те качества в словах, — опять-таки, одни умеют, а другие не умеют.

В деяниях выразить своих, не обнаружив этого в словах, — возможно. Ведь, начавшая с Книги Песен, Книги Царств и Исторических Анналов, — их авторы неужли были только красноречивы?

Но воспитать внутри себя, не обнаружив этого в делах, не выявив в словах своих — возможно это также. Среди учеников Конфуция такие были, что управлять могли, а также и такие, что говорить могли. И между ними был Янь Хой: жил в закулке скверном; подкладывая локоть спал, голодным, — только! Когда ж среди других бывал, молчал весь день, казался как бы глупым человеком. И что ж? Когда он жил, ученики Конфуция ему выказывали уважение, считая, что нельзя и думать с ним сравняться. И даже в следующих поколениях, лет на сто или на тысячу, — сравниться с ним никто не мог.

Вот что такое быть нетленным, быть живым! И, значит, незачем в поступках проявлять себя, тем более — в словах!

Читаю у Баньгу ¹⁾ главу «Изящная словесность» и оглавление в Танском каталоге, — вижу в том, что там стоит, как, начиная с Трех Династий, с Цинь и Хань, и дальше, у каждого из авторов число их книг до сотни слишком доходило, — по меньшей мере, книг до тридцати или сорока. Числа ж тех авторов нельзя и сосчитать. Однако — все погибли, расплылись! Из сотен не осталось двух или одного.

И втайне стало грустно мне за них. Ведь, пышность слога их, искусство их речей, не отличить от ветерков, облекших красотой деревья, травы; не отличить от голосов зверей и птиц, входящих в уши.

А между тем, порывы их сердец и напряженье сил, чем отличаются от суетности праздной и хлопот толпы людской? Мгновение... и умерли они; хотя и встретив смерть, кто раньше, кто позднее, но после смерти, как и все другое, обратились в прах и пыль! И что в словах нельзя найти опоры, из этого примера ясно видно.

Теперь же все ученые стремятся к нетленности мужей высоких качеств, что жили в древности. И вот, всю жизнь усердствуют они и истощают сердце в писаниях своих. О всех таких печалюсь я!

Дун'янский Сюй, студент, от юности руководимый мной, учился сочинять и понемногу славу у людей стяжал.

Когда ж, уехав, он, среди прочих, экзамены держал в Палате Ритуала, то степени высокой там достиг и стал известен. И с каждым днем преуспевал он в стиле: тому подобно вод кипенье, гор подъем!

А я хочу сломить сей горделивый дух и к размышлению хочу склонить. Поэтому, в его отъезд такими говорю словами.

Но, так как сам я тоже радость нахожу в словесных сочиненьях, то, значит, сам я этого ж бояться должен!

Перевел с китайского

Б. Васильев

¹⁾ Историк I в. по Р. Хр.